

Восхождение историка: С.В. Яров и изучение промышленных рабочих России

Ольга Поршнева, Михаил Фельдман

Ascent of the historian: S.V. Yarov and the study of industrial workers in Russia

Olga Porshneva (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia), Mikhail Feldman (Ural Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia)

Исследовательский талант видного представителя петербургской исторической школы Сергея Викторовича Ярова (1959–2015) ярко проявился при изучении формирования и эволюции политического сознания рабочих в 1917–1920-е гг. Его книги и статьи, посвящённые прежде всего питерским пролетариям, рассеивали устойчивые мифы, окружавшие в отечественной историографии «самый передовой класс общества»¹. Яров показывал, как индоктринация повседневной жизни и быта, включённость в ритуалы массовой поддержки большевистской власти, тотальная политизация отношений с внешним миром, подчинённость новому политико-бытовому языку, взаимозависимость репрессий и понижения социального статуса постепенно меняли мировоззренческую самоидентификацию трудящихся. При этом учёный отмечал, что представления рабочих трансформировались как под влиянием извне, так и изнутри. В частности, происходила актуализация традиционных поведенческих установок, которые власть использовала для стимуляции «низовой» поддержки².

Яров рассматривал российский пролетариат не как монолитный класс, а как совокупность социальных слоёв с различными политическими настроениями, требованиями (среди которых преобладали материальные) и линиями поведения³. Выявляя историко-культурные предпосылки большевизации

© 2018 г. О.С. Поршнева, М.А. Фельдман

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106).

¹ Яров С.В. Политическое мышление рабочих в 1917–1923 годах: элементы трансформации // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996; Яров С.В. Политические взгляды рабочих на раннем этапе нэпа: механизмы унификации и контроля (1921–1923 гг.) // Клио. 1997. № 3; Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999; Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; Яров С.В. Политизация досуга в 1917–1925 гг.: структура и формы клубов // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век (Вопросы истории Урала. Вып. 19). Екатеринбург, 2006; Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014.

² Яров С.В. Политическое мышление рабочих... С. 122–123; Яров С.В. Пролетарий как политик... С. 15–22; Яров С.В. Горожанин как политик... С. 63–95.

³ Яров С.В. Пролетарий как политик... С. 4.

масс, он утверждал, что это «явление очень сложное, оно не всегда означало сознательное усвоение коммунистических лозунгов. Это — скорее даже элемент общего социального поведения, во многом определяемого и конформистскими стереотипами. Тут сказались и традиции идеологизации русского общества, делавшие зачастую понятное, “правильное” слово более весомым аргументом, чем “правильное” дело»⁴. Анализируя широкий круг источников, в том числе массив протоколов фабрично-заводских собраний, Яров впервые выявил причины, корни и природу антибольшевистских настроений рабочих, которые возникали преимущественно в передовых (и в политическом, и в культурном отношении) рабочих коллективах Петрограда⁵.

Развивая традицию петербургской (ленинградской) школы историков, в частности, Г.Л. Соболева⁶, Яров проследил две тенденции, оформившиеся к марту 1918 г. С одной стороны, основная масса трудящихся всё больше тяготела к «беспартийности», характерной для них и прежде, но теперь приобретающей антибольшевистскую окраску, росло разочарование в советах, выражавшееся в попытках создать независимые профессиональные организации. С другой стороны, «большевизация» части рабочих оказалась важнейшим фактором победы коммунистов на выборах Петроградского совета летом 1918 г. Как среди партийных и советских чиновников, так и в «низах» общества начался лавинообразный рост проявлений политического фундаментализма. Его основными элементами стали: деление мира на своих и чужих, идеализация первых и отторжение вторых, доходящее до оправдания их убийств; убежденность в существовании единственно верной и *a priori* безальтернативной программы действий, радикальный эгалитаризм, полный разрыв с традициями правового мышления⁷. Однако это был кратковременный подъём, за которым последовало заметное понижение уровня оппозиционности в рабочей среде, наблюдавшееся в 1919–1920 гг. Массовый протест вырождался и мельчал: нередко он ограничивался выкриками на собраниях и трудно уловимым шёпотом несогласных, становился непринципиальным и не покушался на устои государства⁸. Если в 1919 г. кое-где в протоколах рабочих собраний ещё подсчитывали воздержавшихся, то в 1920 г. уже голосовали «единогласно»⁹.

Обращение к протоколам заводских и цеховых рабочих собраний (редко используемому в научной литературе архивному источнику) позволило исследователю выявить отсутствие у жителей Петрограда в начале 1920-х гг. сколько-нибудь значительного интереса к судьбе мировой революции и отвлечённым идеологическим конструкциям большевиков. Их гораздо сильнее

⁴ Яров С.В., Балашов Е., Мусаев В., Рупасов А., Чистиков А. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 222.

⁵ Яров С.В. Пролетарий как политик... С. 220.

⁶ Соболев Г.Л. Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 1. Л., 1968. С. 159–173; Соболев Г.Л. Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993.

⁷ Яров С.В., Балашов Е., Мусаев В., Рупасов А., Чистиков А. Петроград на переломе эпох... С. 219, 222, 223.

⁸ Там же. С. 244.

⁹ Там же. С. 246.

волновали бытовые проблемы, например, огороды¹⁰. Не прибавляли симпатий к советской власти и радикальные требования коммунистической пропаганды, призывы комсомольских органов вырвать молодёжь из-под влияния таких «мелкобуржуазных» форм искусства, как кино, маскарады и балы¹¹.

Яров блестяще использовал методы семиотики, в частности предложенный Р. Бартом концепт «готового письма», при анализе употребления политизированных лексических штампов. По наблюдениям Сергея Викторовича, они постепенно становились привычной принадлежностью любого прошения, поступавшего «снизу», или просто бытового действия. В целом же в условиях «духовной революции», как считал Яров, «“готовое письмо”, которому я веряюсь, есть не что иное, как общественное установление; оно обнаруживает и моё прошлое, и мой выбор, оно снабжает меня историей, выставляет напоказ моё положение, накладывает на меня социальные обязательства, освобождая от необходимости сообщать об этом»¹².

Заслугой учёного является то, что он одним из первых показал широко-масштабное идеологическое воздействие государства и правящей партии на рабочие массы. К началу 1920-х гг. усилиями агитационно-пропагандистских структур в значительной мере были идеологизированы и производственные коллективы, и быт трудящихся. Это выражалось в том числе в практике «организованного» манипулирования — участии в демонстрациях и собраниях, подписании коллективных писем и др. При этом любые проявления нелояльности скрупулёзно регистрировались в сводках партийных, профсоюзных и чекистских структур¹³. Но это — *видимая* по документам сторона проблемы. Подлинное же новаторство петербургского историка проявилось в том, что, опираясь на материалы, которые, как правило, не вводились в научный оборот (протоколы цеховых собраний, низовых профсоюзных организаций и т.д.), он заглянул в ранее неведомое восприятие рабочими советской пропаганды. Используя тонкий социально-психологический анализ, историк пришёл к выводу, что идеологизация рабочей среды шла параллельно с деполи-тизацией фабрично-заводских коллективов. Даже в Петрограде с его традициями рабочего активизма в 1922—1923 гг. на фабрично-заводских собраниях стихали политические дискуссии: не принимались оппозиционные постановления, прекратились демонстрации¹⁴.

В политизации досуга особую роль играли рабочие клубы, которые зачастую возникали спонтанно. Они прижились в городской среде, преимущественно фабрично-заводской и молодёжной. Однако, как выяснилось, их специфическая структура отторгала политику в тех масштабах и формах, на которые рассчитывали политработники. Тем не менее, партийные и комсомольские органы систематически стремились усилить своё идеологическое присутствие в деятельности клубов¹⁵.

¹⁰ Яров С.В. Конформизм в Советской России. Петроград в 1917—1920-х годов. СПб., 2006. С. 26.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Яров С.В., Балашов Е., Мусаев В., Рупасов А., Чистиков А. Петроград на переломе эпох... С. 248.

¹³ Яров С.В. Пролетарий как политик... С. 8—9, 12.

¹⁴ Там же. С. 13—15, 21, 47, 50, 165.

¹⁵ Яров С.В. Политизация досуга... С. 230, 238.

Внимание Ярова привлёк и феномен конформизма, без изучения которого едва ли возможен анализ процесса «большевизации» представлений о мире и норм поведения. Для того чтобы выявить, как люди становились частицей нового режима, «вживались» в эпоху ломки общественных устоев, приспосабливались к её языку, стереотипам и правилам игры, насколько это приспособление было вынужденным или желанным, искренним или фальшивым, осознанным или невольным, исследователю пришлось не только привлечь массу источников, включая дневниковые записи, но и «по винтику разобрать идеологическую машину, и, исходя из выявленных масштабов, приёмов и параметров её деятельности, попробовать определить подлинные итоги её работы»¹⁶.

Рассматривая основные блоки политической пропаганды, Яров указывал на преобладание в ней простейших лозунгов и штампов, поскольку она адресовалась преимущественно к неграмотным и малограмотным людям, пережившим драму мировой и гражданской войн. Вместе с тем её примитивность была связана и с отсутствием чётких представлений о том, что собой представляет социализм и как воспитывать массы в условиях нищеты, убогости быта, скудности интеллектуальных ресурсов. Выход из ситуации власть видела в развитии системы политического воспитания масс. Правда, в первой половине 1920-х гг. она ещё вызывала критические отзывы. Например, об уровне образования слушателей партийно-комсомольской учёбы часто «не без брезгливости и раздражения говорилось на страницах агитпроповской печати»¹⁷.

Со временем всё сильнее сказывалась тенденция к тотальному контролю власти над обществом. Весьма характерна в этом отношении Всероссийская политпроверка членов РКСМ, проведённая осенью 1923 г. Формально тогда проверялась степень политической грамотности комсомольцев, но фактически она предполагала также проверку их лояльности и даже личной жизни¹⁸. Постепенно происходило усвоение языка агитпропа, а различные формы идеологического принуждения начинали казаться обыденными и нормальными. Систематическое «просеивание» политически неблагонадежных не только уменьшало их число, но и заставляло остальных прибегать к самоцензуре, скрывать свои настроения, сокращать круг тех, с кем можно разделить возмущение или обменяться взглядами. Люди всё чаще принимали формальную логику пропагандистских аргументов, которые от многократного употребления и манипулирования ими переставали казаться чужими и проникали в индивидуальное сознание¹⁹.

Ежедневно говоря на политизированном языке, основные понятия и клише которого были связаны с большевистской догматикой, человек неизбежно, хотя и не всегда прямо и быстро, менял свои мировоззренческие ориентиры и даже социальную идентичность. Например, рабочее происхождение стало признаком благонадёжности, что вызвало массовое стремление граждан при заполнении анкет максимально «оработить» свою биографию. При этом политизированный язык употреблялся не потому, что он был нужен

¹⁶ Яров С.В. Конформизм в Советской России... С. 5–6.

¹⁷ Там же. С. 52.

¹⁸ Там же. С. 61–64.

¹⁹ Там же. С. 216, 233.

для политического волеизъявления, а для решения насущных, повседневных проблем. Уже в 1920-е гг. добровольное или вынужденное посещение театра, кино, библиотек, лекций, клубов, школы, вузов предполагало участие в различных политических инсценировках и действиях. Всё это способствовало укреплению режима и расширению его социальной поддержки.

Большевистская практика управления меняла и характер борьбы рабочих за свои интересы. С одной стороны, власть ограничивала возможности оппонирования ей с помощью тотального контроля и репрессий. С другой стороны, она умело использовала материальные уступки и компромиссные соглашения, удовлетворяя преимущественно интересы той части трудящихся, которая демонстрировала лояльность²⁰. Активный низовой протест возникал в основном на тех предприятиях, сотрудники которых арестовывались за участие в стачках, демонстрациях и митингах. Однако с начала 1920-х гг. забастовки случались всё реже и к середине десятилетия ограничивались обычно несколькими часами, нередко заканчиваясь без удовлетворения каких-либо просьб²¹.

В своей последней монографии Яров показал, что уже в 1917–1923 гг. рабочие, как правило, воздерживались от политических заявлений, ограничиваясь экономическими требованиями или критикой отдельных действий властей²². Не выступая против советов как таковых, многие рабочие уже не считали их защитниками и выразителями своих чаяний, обычным делом в их среде стало обличение бюрократизма некогда революционных учреждений. Совслужащих чаще всего упрекали в некомпетентности, разложении, а главное – в неспособности обеспечить трудящихся материально²³. Раздражение из-за бытовых неурядиц делало связь пролетариата с правящей партией неустойчивой и условной, более того, «класс», официально провозглашавшийся «ведущей политической силой», в реальной жизни всё больше деполитизировался и деклассировался. В конце 1980-х гг. это привело к окончательному разрыву КПСС и рабочих масс.

С.В. Яров внёс заметный вклад в изучение промышленного пролетариата России и его отношений с властью в начале правления большевиков (вплоть до конца 1920-х гг.). Глубокое исследование политической культуры и психологии, повседневности, конформизма, самосознания и поведения людей в условиях войн и революций позволило создать живой коллективный портрет граждан тех лет. Активно используя свидетельства очевидцев, он сумел ярко осветить и иные сюжеты, например, написать потрясающе правдивое повествование о величайшей трагедии XX в. – блокаде Ленинграда²⁴. Без сомнения, Сергей Викторович смог бы ещё не раз привлечь внимание читателей – как профессионалов, так и любителей – своими высококачественными исследованиями. Остаётся лишь сожалеть, что он успел воплотить в жизнь далеко не все свои творческие планы.

²⁰ Там же. С. 119–120, 139.

²¹ Там же. С. 349.

²² Яров С.В. Человек перед лицом власти... С. 136–137.

²³ Там же. С. 138, 147.

²⁴ Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб.; М., 2012. Подробнее о книге см.: Российская история. 2014. № 3. С. 3–43.